

Александр Зельгейм

Сказочный полк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Зельгейм
Сказочный полк

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Сказочный полк / А. Зельгейм — «Автор», 2026

«Сказочный полк» — это не военная хроника. Это голос из окопа, пропущенный через память и боль. Анатолий Берг, вчерашний мальчишка, попадает в самое пекло чеченской войны. Его полк называют «сказочным» — потому что все значимые события проходят под марш оркестра. Но за плацем — не сказка: бетонка, где избивают своих, «клетка» для провинившихся, снайперы в «зелёнке», Чернокозово, откуда не возвращаются. Это история о том, как остаться человеком, когда система ломает всех. О дружбе, которая держит на краю. О «дрищах», которые становятся солдатами. О «тушёнке», в которую превращают людей. О бахче, арбузах и туалетах — потому что жизнь пробивается даже сквозь смерть. О том, как пить водку из-под соляры, смеяться утром и не отводить взгляд. И о дембеле, когда домой не хочется, потому что там — непонятно. Автор не судит. Он просто помнит. Всё. Даже то, что нельзя рассказать.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Зельгейм

Сказочный полк

Глава

Все события и персонажи этого произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или обстоятельствами — случайны.

Пролог. Бетонка

Ночь. Час, может, два. Бетонная взлётка старого аэродрома. Свет фар двух БТР-80 вырывает из темноты квадрат четыре на четыре. Всё остальное — тьма.

Полторы тысячи человек в строю. Молчат. Смотрят.

На бетоне — двое. Связанные. Лица разбиты. Руки скручены за спиной. Молодые. Срочники.

Выходит командный состав. Молча. По очереди. Бьют.

Глухие удары. Хрип. Один — совсем пацан, лет восемнадцать — перестаёт двигаться после пятого удара.

Никто не говорит ни слова. Никто не выходит из строя.

И оркестр.

Полковой. Марш. Громкий. Торжественный. Как на параде. Только ночью. При свете фар. При связанных. При всём полку, стоящем в темноте.

Музыка играла. Бетонка светилась. Командный состав выходил. Молча. Бил. А оркестр — играл. Как будто ничего не происходило. Как будто это был парад. Как будто это была сказка.

Анатолий Берг стоял в третьей шеренге. Высокий. 186. Крупный. Под девяносто пять. Он выделялся в строю. Всегда. Даже здесь. Даже в темноте. Ему ещё не выдали оружие. Он ещё не знал, что это — первый день. И что этот квадрат бетона будет снится ему всю жизнь.

Он смотрел на свет. На двух связанных. На командный состав. И чувствовал, как что-то внутри сжимается. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему он не знал названия. Может, это было понимание. Может, принятие. Может, просто холод. Но он стоял. И смотрел. И не отводил взгляд.

А оркестр играл. Марш. Торжественный. Как на параде.

Днём они приехали.

Бронепоезд тащился от Моздока до станции Терек. Обычный пассажирский вагон — плацкарт, деревянные лавки, окна, забитые пылью так, что свет едва пробивался. Двери открывались вручную. Броня — в голове и хвосте. А в середине — они. Сто восемьдесят. Без оружия. Без брони. Без всего.

Спецпоезда ходили только днём и только парами. Ночью — стояли. Потому что ночью «зелёнка» подходила к самой дороге, и никто не мог гарантировать, что под следующим метром пути нет фугаса.

Поезд остановился. Двери открыли вручную. Жара ударила сразу — раскалённый воздух, который плавит асфальт, дрожит над путями, входит в лёгкие как кисель. Пыль висела в воздухе, не оседая. Солнце — белое, злое, слепящее. Тени не было. Нигде.

На путях стоял БРМ — боевая разведывательная машина. Приземистая, с плоским корпусом, вся в пыли и солярке. Рядом — три открытых «Урала». Брезент скатан, борта откинuty. Кузова пустые. Внутри — только деревянные лавки вдоль бортов. Ничего больше.

Разведчики — двое или трое — смотрели на них без интереса. Как на груз. Как на тушёнку. Берг ещё не знал этого слова. Но уже чувствовал его. Как чувствуешь взгляд. Как чувствуешь холод. Как чувствуешь что-то, что ещё не случилось, но уже рядом.

Их погрузили быстро. Без команд. Показали рукой: туда. Сто восемьдесят человек залезли в кузова. Берг — в середину. Ему было тесно. Всегда тесно. Колени упирались в лавку. Голова — в брезент. Он сложился. Как мог. И поехали.

Дорога шла через станцию. Мимо разрушенных зданий. Мимо домов с пустыми окнами. Мимо заборов, которые никто не чинил. А потом начались кладбища.

Магометанские кладбища. Не кресты. Не пирамидки. Просто камни. Столбы. Надгробия без имён. Они стояли вдоль дороги, уходя вдаль, в жёлтую выжженную степь. Их было много. Слишком много. Они были похожи на лес. Каменный лес. Молчаливый. Огромный. И этот лес смотрел на них. Тысячи камней. Тысячи глаз. Тысячи имён, которых они не знали.

В кузовах стало тихо. Даже двигатели не могли заглушить эту тишину. Она была густой, как мёд. Давила на уши. На грудь. На горло.

Берг смотрел на пацанов. Сто восемьдесят лиц. Кто-то сжал руки в кулаки. Кто-то смотрел в пол. Кто-то — в небо. Все молчали. Глаза — настороженные, испуганные, злые. Они не знали, куда едут. Не знали, что будет. Но уже понимали: обратной дороги нет.

Берг смотрел на кладбище. И думал: вот она. Смерть. Которая всегда рядом. Которая смотрит. Которая ждёт. Он не боялся её. Он просто знал, что она здесь. Рядом. В каждом камне. В каждой тени. В каждом вздохе.

Они приехали на старый аэродром. Бетонные плиты, потрескавшиеся от времени и жары. Трава, пробившаяся сквозь швы. Палатки. Четыре заставы. Отдельно — разведрота. Их выгрузили. Построили на плацу у штаба. И оставили.

Три или четыре часа. Под солнцем. Жара — за сорок. Бетон раскалён так, что через подошвы чувствуешь каждый градус. Ни воды. Ни тени. Ни объяснений.

Первое, что они поняли: здесь их не ждут. Здесь их терпят.

А потом появился он.

Невысокий. Щуплый. Загорелый до черноты. В выцветшей форме. Автомат на плече. Он вышел из-за штабной палатки — не спеша, уверенно. Остановился перед строем. Посмотрел. Долго. Молча.

— Неважно, кто вы были, — сказал он. Голос тихий, но слышно каждое слово. — Сейчас вы все дрищи. Упор лёжа принять.

И все упали. Сто семьдесят восемь. Дембеля. Те, кому оставалось два месяца. Те, кто попал сюда за косяки. Те, кто уже прошёл через такое, что им и не снилось. Все. Кроме двоих.

Берг — большой, 186, под девяносто пять — и его друг. Тот, с кем он приехал. Тот, с кем стоял. Тот, с кем не упал.

Они остались стоять. Двое. Из ста восьмидесяти.

Было страшно. Берг не знал почему. Но они стояли.

И в этот момент он почувствовал это снова. То же, что и на бетонке. То же, что и на кладбище. Что-то внутри. Что-то, что не давало упасть. Что-то, что держало. Он не знал, что это. Не знал, откуда. Но оно было. И оно было сильнее страха.

Леший — так его звали — посмотрел на них. Снизу вверх. Внимательно. Без злобы. Без удивления. Просто посмотрел. И ничего не сказал. Потом перевёл взгляд на тех, кто лежал. И скомандовал. Коротко. Резко. И они начали отжиматься.

Он не кричал. Не бил. Он просто стоял. Молча. И они отжимались. Снова. И снова. Пока руки не начали дрожать. Пока пот не смешался с пылью. Пока кто-то не упал лицом в бетон и не остался лежать. Но поднимался. И снова отжимался.

А они стояли. Двое. И смотрели. Это не было геройством. И не было бравадой. Они просто не упали. Берг не знал почему. Ни он, ни его друг. Они не стоваривались. Не решали. Не думали. Просто в момент, когда все сто семьдесят восемь человек легли на бетон, они остались стоять. И всё.

Леший развернулся и ушёл. А они продолжали отжиматься. Пока он не скрылся за палаткой. Только тогда кто-то из сержантов крикнул: «Стой!». И они замерли. Мокрые. Красные. Тяжело дышащие. На раскалённом бетоне.

А они всё ещё стояли. Двое.

А в стороне, у штабной палатки, стоял замполит. Немолодой. Усталый. С папкой под мышкой. Он смотрел на строй. Долго. Внимательно. Он видел, как упали сто семьдесят восемь. И видел, как двое — остались. Он смотрел на них. Особенно на друга. На того, кто стоял рядом с Бергом. Худой. Невысокий. Обычный. Но — не упал.

Замполит запомнил его. И через день — забрал. К себе. Помощником. Потому что ему нужны были такие. Те, кто не падает. Те, кто стоит. Даже когда все лежат.

А Берг остался. В полку. В палатке. На кирпичах. В строю. Но друг — был рядом. Всегда. Даже когда был при штабе. Потому что они — двое. Из ста восьмидесяти. Которые не упали. Которые выстояли. Которые выжили.

К вечеру их разместили. Кто-то нашёл место в палатках, кто-то — нет. Берг нашёл. В углу. У стенки. Ему досталось место у брезента. Он лёг. Спальник был короткий. Ноги упирались в борт. Он поджал их. Как мог. И заснул.

В час или два ночи их подняли.

Сначала — резкий, глухой рёв двигателей. Два БТР-80 выехали на бетонку. Фары ударили в темноту. А потом — оркестр. Тот самый. Полковой. Марш.

Это было настолько нелепо, что хотелось смеяться. Или плакать. Или просто стоять и смотреть. Музыка играла. Бетонка светилась. Двое связанных лежали на бетоне. Командный состав выходил. Молча. Бил.

Глухие удары. Хрип. Один — совсем пацан — перестал двигаться после пятого удара.

Никто не сказал ни слова. Никто не вышел из строя. Только свет фар. Только бетонка. Только тишина. И оркестр. Который играл. Как будто это был парад. Как будто это была сказка.

Днём они сидели на этом плацу и ждали. Днём к ним вышел Леший. Днём они не упали. Ночью они стояли на этом же плацу и смотрели. Один и тот же квадрат бетона. Но днём он был просто горячим. Ночью он стал страшным.

Это был первый день Анатолия Берга на войне. Ему ещё не выдали оружие. Но он уже понял: здесь не спрашивают. Здесь ломают. А они — двое из ста восьмидесяти — уже не упали. И это было начало.

Часть первая. Лейтенант

Это случилось в самом начале. Когда Берг ещё не привык. Когда ещё не знал правил. Когда ещё верил, что война — это бой. Окопы. «Зелёнка». Снайперы. А не это.

Лейтенант пропал днём. Ушёл на рынок. В станицу. За чем-то. За сигаретами. За водой. За чем-то обычным. Что можно купить. Что можно найти. Что есть везде. Даже здесь. Даже на войне.

Он не вернулся.

Его искали. День. Два. Три. Разведка. «Секреты». Блокпосты. Вертолёты. Всё, что было. Всё, что могли. Всё, что умели.

Нашли через несколько дней. В станице. В яме. Или в подвале. Или за домом. Там, где обычно находят таких. Тех, кто ушёл. И не вернулся.

Голова была отрезана. Отдельно. Рядом. Или не рядом. Берг не помнил деталей. Помнил только лицо. Молодое. Лейтенантское. Которое было вчера. А сегодня — не было. И не будет.

Берг видел это. Издалека. Один раз. И запомнил. На всю жизнь.

А потом — приехал командир полка.

Он собрал старейшин. В станице. Всех. Кого нашёл. Кого позвал. Кого заставил прийти. Он говорил с ними. Долго. Тихо. Без крика. Без угроз. Без оружия. Но так, что они поняли. Всё поняли. Сразу.

Он сказал им одну вещь. Одну. Простую. Понятную. На любом языке. На русском. На чеченском. На языке войны.

— Ещё раз. Один раз. И полк раскатает станицу под фундамент. Не жалея никого. Ни женщин. Ни детей. Ни стариков. Никого.

Он не кричал. Не угрожал. Не размахивал оружием. Он просто сказал. Тихо. Спокойно. Устало. Как человек, который устал терять своих. И готов сделать всё. Что угодно. Чтобы это прекратилось.

Старейшины молчали. Слушали. Кивали. Понимали. Потому что знали: он не шутит. Он сделает. Если надо будет. Если придётся. Если ещё раз.

После этого — таких инцидентов не было. Ни в этой станице. Ни в других. Ни с лейтенантами. Ни с солдатами. Ни с кем.

Берг не знал, что было сказано старейшинам потом. Что они говорили своим. Как объясняли. Как запрещали. Как предупреждали. Он знал только одно: после этого — прекратилось. На какое-то время. Надолго. Навсегда. Пока полк стоял здесь. Пока Берг был здесь.

Он смотрел на командира полка. Тогда. И потом. И всегда. И думал: вот она. Настоящая власть. Не звания. Не ордена. Не автомат. А готовность сделать то, что нельзя. То, что страшно. То, что не должно быть. Но что останавливает. Что защищает. Что спасает.

Это был не подвиг. Не геройство. Это была война. Настоящая. Без правил. Без пощады. Без «нельзя». Только «надо». Только «ещё раз — и всё». Только «мы здесь. И мы не уйдём».

А лейтенант — остался. В памяти. В списках. В цинке. В яме. В станице. В той земле, которая его не приняла. Живым.

Часть вторая. Полк

Выезды были не каждый день.

Иногда — через день. Иногда — через два. Иногда — через три. Всё зависело от колонн. От грузов. От обстановки. От того, что приходило в Моздок и что нужно было доставить в Ханкалу. Или наоборот.

А в промежутках — полк.

Палатка на восемь-десять человек. Кровати в один ярус. Пол — битые кирпичи. Ни матраса. Ни подушки. Ни одеяла. Вещмешок под голову. Спальник. Короткий. Тесный. Бергу он был мал. Всегда мал. Ноги упирались. Он поджимал их. Или вытягивал. Или ворочался. И засыпал. Рано или поздно.

А рядом — буржуйка. Капельница с солярой. Она капала в топку. Медленно. Ровно. Всю ночь. Никто не вставал. Никто не подкидывал. Капельница делала это за них. Они спали. В спальниках. С вещмешками под головой. На кирпичках. А буржуйка дышала. И было тепло.

Утром — подъём. Не по команде. По холоду. По свету. По рёву двигателей. Кто-то шёл за водой. Кто-то — за чаем. Кто-то — просто лежал. Пока не выгонят.

Днём — работа. Кто-то чистил оружие. Кто-то — технику. Кто-то — просто сидел. Ждал. Смотрел на горы. Издалека. Они были красивы. Сизые. Величественные. Облака лежали низко.

Казалось, можно дотянуться рукой. Взобраться. Уйти. Туда, где нет войны. Но войны нет только там, где ты ещё не был. А Берг уже был здесь.

Ближе — горы были другими. Серые, острые, битые скалы. Без снега. Без облаков. Просто камни. Просто стена, которую нельзя обойти.

Горы красивы издалека. Вблизи — груда камней.

Вечером — снова буржуйка. Снова капельница. Снова спальник. Снова сон. Или — разговоры. Тихо. Вполголоса. О доме. О девчонках. О том, что будет после. О том, что было до. О том, кого уже нет. И о том, кто ещё есть. Пока есть.

А потом — снова. Снова колонна. Снова дорога. Снова «зелёнка». Снова жара. Снова страх. Снова тишина.

Часть третья. Дорога

Утро начиналось с рёва двигателей. С дизельного гула, который проходил сквозь брезент палатки, сквозь спальник, сквозь тело. Берг открывал глаза. Первые несколько секунд не понимал, где он. Потом вспоминал. И вставал.

Зарядки не было. Зарядка — это для тех, у кого есть силы. А силы берегли. Умыться — если подвезли воду. Если нет — провёл рукой по лицу, стряхнул пыль и вышел. Завтрак — если подвезли. Если нет — чай. Если нет — ничего. И на построение.

Они не ждали, пока колонна приедет к ним. Они выезжали навстречу. Это была их работа. Боевое охранение. Встретить колонну с топливом, продуктами, боеприпасами — на границе. И провести её. Через «зелёнку». Через перевалы. Через блокпосты. До точки. Живой.

Колонна формировалась на бетонке. Головной всегда шла БРМ или БТР с разведчиками. Они были щитом и глазами. За ними — «Уралы», БТРы, БМП. Кузова забиты ящиками, бочками, цинками.

Берг был в кузове «Урала», в середине колонны. Рядом — ЗУ-2С. Спаренная зенитная установка. Двадцать три миллиметра. Шквал осколков.

Играл оркестр. Марш. Тот самый. «Сказочный». Они выезжали за ворота, и музыка оставалась позади. Сначала было слышно. Потом — только двигатели. Потом — только ветер. Потом — тишина.

Их встречали на границе с Осетией. Там, где заканчивалась одна земля и начиналась другая. Там, где стояли блокпосты, где проверяли документы. А дальше — трасса. Моздок — Кизляр. Прямая, как натянутая струна.

Колонна шла весь день. Без остановок. Остановился — стал мишенью. Боевики работали по стандартной схеме: фугас под головной, фугас под замыкающей — и колонна заперта. Дальше — гранатомёты, пулемёты, огнемёты.

Пермский ОМОН остановился под Жани-Ведено — и почти весь остался там. Сергеево-Посадский не остановился у блокпоста — и прорвался. Они знали это. Все знали. И поэтому колонна шла. От рассвета до темноты. Без пауз. Без привалов. Только вперёд.

Но у них была разведка впереди. И это меняло всё.

При малейшем подозрении — тишина в «зелёнке», свежие следы на обочине, птицы, которые вдруг взлетели не там, где надо, — головная машина сбрасывала скорость. Разведчики спешили. И уходили в «зелёнку». Молча. Быстро. Цепью.

Они шли по кустам, по траве, по грязи. Смотрели под ноги — растяжки. Смотрели вперёд — засады. Смотрели по сторонам — «духов» с гранатомётами. А колонна ждала. Двигатели работали. Стволы смотрели в «зелёнку». ЗУ-2С была наготове. И все — все, кто сидел в кузовах и на броне — смотрели туда же, куда ушли разведчики. Ждали. Или выстрелов. Или их возвращения.

Обычно они возвращались. Молча. Показывали рукой: чисто. Залезали на броню. И колонна шла дальше.

Степь по сторонам. Жёлтая. Выжженная. Иногда — «зелёнка». Пышная. Наглая. Молчаливая. Она подступала к самой дороге. Была стеной. За которой могло быть всё. Или ничего. Но чаще — всё.

Они ехали. Смотрели. Молчали. Каждый думал о своём. Кто-то о доме. Кто-то о девочке. Кто-то о том, что будет, если сейчас — рванёт.

Берг смотрел на горы. Вдали. Сизые. Величественные. Они были красивы. По-настоящему. И это было странно. Война и красота. Рядом. В одном кадре. Облака лежали низко. Прямо на склонах. Казалось, можно дотянуться рукой. Взобраться. Уйти. Туда, где нет войны. Но войны нет только там, где ты ещё не был. А Берг уже был здесь.

Жара — за сорок. В кузове — как в духовке. Пот заливает глаза. Пыль забивает горло. Вода — тёплая, из фляжки. Пахнет железом. Но Берг пил. Потому что надо. Потому что день длинный. Потому что до темноты — ещё далеко.

Иногда — блокпосты. Омоновцы. Уставшие. Злые. Они смотрели на них без интереса. Они — на них. Два мира. Одни стоят на земле. Другие едут. У одних — своё. У других — своё. Но война — общая. Блокпост проходили быстро. Не останавливаясь. Только сбавляли скорость. И дальше. Вперёд. В «зелёнку». В жару. В тишину.

Были и дети. В одной из станиц. Берг не помнил названия. Мальчишки и девочки. Лет девяти-десяти. А то и младше. Босые. Загорелые. В грязных футболках. Они стояли у дороги. Ждали. А потом начали плевать. Кидать камни. Маленькие. Острые. В борт. В стекло. В них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.